

Plonem Kongresu stało się uchwalenie Statutu Międzynarodowego Naukowego Komitetu Studiów Polonistycznych, którego projekt przedstawił prof. R. Fieguth. Wystąpieniu temu towarzyszyła ożywiona dyskusja, w której brali udział oprócz członków Komitetu wielu uczestników Kongresu. Dyskutowano m.in. o założeniach i treści Statutu, o składzie i liczbie członków przyszłego Komitetu (projekt Statutu zakładał wejście do Komitetu trzech przedstawicieli polonistyki krajowej (z Polski) oraz po jednym przedstawicielu z Europy Wschodniej, Zachodniej, Ameryki Północnej i jeden przedstawiciel dla pozostałych kontynentów), o finansowaniu pracy Komitetu, organizacji wewnętrznej itp. Po uwzględnieniu wielu propozycji i zmian przedstawionych przez uczestników Kongresu, Statut Międzynarodowego Naukowego Komitetu Studiów Polonistycznych zdecydowaną większością głosów został przyjęty. Celem Komitetu m.in. jest konsultacja naukowa przy planowaniu kolejnych Kongresów Polonistyki Zagranicznej oraz sprzyjanie wymianie myśli w zakresie międzynarodowych naukowych badań polonistycznych za pomocą odpowiednich środków (strona internetowa, biuletyn, wymiana książek itp.). Komitet jest międzynarodowym gronem ekspertów w zakresie polonistycznych badań naukowych, pełni funkcję doradcą w stosunku do polskich instytucji polonistycznych, polskich urzędów państwowych oraz międzynarodowej wspólnoty polonistów.

Dorobek Kongresu będzie utrwalony w materiałach pokongresowych. W oczywisty sposób wzbogacą one wiedzę wszystkich, dla których język polski jest zawodem, pasją, celem.

*Mirosław Dawlewicz, Wiktoria Uszinskiene
Wilno*

Экспедиция лета 2001 года по изучению говоров и фольклора старообрядцев Литвы

В экспедиции по изучению говоров и фольклора старообрядцев, проживающих в Игналинском и Швенченском районах Литвы, участвовали проф. Вильнюсского университета В.Н. Чекмонас, проф. Вильнюсского педагогического университета Ю.А. Новиков, доктор гуманитарных наук Н.А. Морозова и магистрантка Вильнюсского университета М. Романова. Это уже третья поездка группы в указанные районы, целью которой было прежде всего уточнение данных и материалов, собранных ранее, пополнение фонотеки старообрядческих говоров, а также посещение населенных пунктов, "обойденных" ранее.

Экспедиция стала также продолжением работ на территории Беларуси в Куклянском и Апидомском приходах, которые примыкают к Швенченскому району. Ранее было выяснено, что между этими ареалами существовали тесные традиционные связи. Старообрядцы Швенченского района часто брали жен из Куклянского и Апидомского приходов; многие старообрядцы из Юргелишек (лит. Jurgeliškė), Бочкинников (лит. Bačkininkai) и других деревень похоронены на Апидомском кладбище и т.д.

Проблемы языковых и внешних этнокультурных контактов

Распросы местных жителей показали, что в Швенченском районе не было проблем с языком внешнего общения, все договаривались по-русски, в том числе и

литовцы — ведь во времена царской России все мужчины, которые служили в армии, знали русский язык. В Игналинском ареале ситуация была несколько иная. По словам наших информаторов, старшие люди в деревнях литовского языка не знали, по-польски могли договориться или просто понимали. Литовский чаще всего знали мужчины, особенно те, кто работал в городах или у хозяев; женщины по-литовски обычно говорить не умели.

Рассказы информаторов из д. Юргелишки показали, что с игналинскими старообрядцами интенсивных контактов у них не было. Действительно, в Юргелишках почти нет пришлых женщин из Игналинского ареала, а преобладают уроженки дд. Апидомы и Кукляны.

В Бочкининках в настоящее время абсолютное большинство старообрядческого населения составляют уроженцы Юргелишского прихода и их потомки, есть много женщин из Куклянского или Апидомского приходов. С игналинскими старообрядцами заметных брачных связей нет, о зарасайских старообрядцах здесь практически ничего не знают.

Из рассказов нашего старого знакомого Макара Глухова (д. Изабелина Игналинского района, лит. Izabelina) следовало, что местные старообрядцы были ориентированы в основном на Видзы и Адутишки (лит. Adutiškis), а в Дукштас (лит. Dukštas), расположенный к северу от Игналины, почти не ездили, “только доски возили”, в Зарасай же вообще не ездили; жена Макара Елизавета когда-то в молодости ходила на танцы в Апидомы, а про соседние с ними Кукляны уже не слышала. Таким образом, у старообрядцев, проживающих в Игналинском ареале, наблюдается довольно сложная система традиционных связей. Игналинский ареал в ряде отношений является как бы промежуточным между Видзовским и Швенченским. В общем же анализ собранных сведений позволяет говорить о реальности существования Игналинско-Видзовской и Швенченско-Лынтупской зон распространения старообрядческих говоров.

О волынщиках

В прошлом году, во время экспедиции в Беларусь, проф. Ю.А. Новиков обратил внимание на то, что в Видзах и Апидомах известен обычай *волынить*: на первый день Пасхи молодежь с песнями обходит дворы и желает хозяевам хорошего и урожайного года; хозяева угощают *волынщиков* или дают им деньги. Выяснить ареал этого обычая было одной из главных целей данной экспедиции.

Собранные сведения подтвердили первое впечатление о том, что обычай *волынить* лучше всего сохранился в Видзовском ареале, а также в деревнях Апидомского и Куклянского приходов. Можно говорить о том, что этот обычай известен в деревнях Швенченского и Игналинского районов, но, судя по всему, чем далее на север от границ с современной Беларусью, тем он был менее популярным. Можно утверждать также, что уже в старообрядческих деревнях под Дукштасом (которые относятся к Зарасайской зоне) этого обычая не знали.

В разных деревнях к *волынщикам* относились по-разному. В зажиточных селениях на *волынку* часто смотрели как на занятие для бедных. Выходцы из поповских семей или из семей, где церковная традиция была очень сильной, волынщиков не знают (или, точнее, не хотят знать) вообще или говорят, что слышали о таких, но подробностей не рассказывают.

Е.А. Журавлева (д. Юргелишки, Швенченский р-н) утверждает, что в Юргелишках своих волынщиков не было, волынить приходили из Апидом, а юргелишские только присоединялись к апидомской *дружине*. Посещали только

знакомых и родственников, спрашивали у них разрешения петь и, если приглашали, заходили в дом. Она назвала фамилии тех людей, от которых волочечная песня была записана во время экспедиции в Беларусь. Волынщики из Апидом ходили и по другим деревням Юргелишского прихода, но до д. Михалово (лит. Mikalavas, Игналинский ареал) они уже не доходили.

Петр Жарин, ныне старший житель д. Юргелишки, рассказывал, что сам возглавлял волочечную дружину. По его словам, волыннить ходили 5–7 парней, в основном женатые, а пели под гармошку.

После Второй мировой войны этот обычай постепенно исчезает, но кое-где он сохранился до наших дней. Алексей Федотов (д. Бочкинники Швенченского р-на, 1918 г. рожд., родом из д. Большие Жвойришки Куклянского прихода, ныне Беларусь) еще в прошлом году ходил волыннить, а в этом был уже болен, поэтому волыннили его дочь и несколько друзей. От него записана волочечная песня, по напеву и содержанию сходная с записанной в прошлом году в Апидомах. А. Федотов рассказал, что волыннить ходили в основном люди небогатые, безземельные ремесленники, часто пели под гармошку, а для девушек на выданье была особая песня, которую сейчас он уже не помнит. Его дочь Анна, ок. 50 лет, добавила, что в Бочкинниках местные старообрядцы тоже ходили волыннить, в основном по домам своих родных и знакомых, в последнее время — вообще только к друзьям, иногда — по приглашению и по предвзвешенному согласию.

Макар и Елизавета Глуховы, упомянутые выше, утверждают, что волынщики (Макар назвал их также *лалынищниками*) ходили везде, где есть русские, т.е. старообрядцы. По словам Ермолая Безродного (д. Вабалишки, лит. Vaboliškė), волыннить ходили не только к своим, но и к полякам, особенно, когда Пасха у тех и других совпадала.

Археографическая работа

В отличие от предыдущих экспедиций, летом 2001 г. значительное внимание уделялось археографическим исследованиям, которыми занималась Н.А. Морозова.

Во время бесед практически со всеми информаторами одним из программных был вопрос о том, умел ли кто-нибудь в семье читать *по-славянски* и сохранились ли у них *славянские (богослужбные) книги*. Собранные в предыдущих экспедициях сведения позволяют говорить о том, что традиция *славянской грамоты* в меру сил и возможностей поддерживалась во многих семьях. В каждой деревне были люди, которые умели читать по-церковнославянски, знали основные погласицы. В межвоенные годы эта традиция значительно ослабла, и сейчас многие информаторы сожалеют о том, что в свое время не освоили азов славянской грамоты от родителей или близких родственников.

Что же касается книг, то почти в каждой семье можно увидеть старообрядческие *Азбуки* разного времени издания, старообрядческие календари, часто нам показывали “старинный — можа двести-триста лет” издания *Псалтыри* и *Часослова* второй половины XIX–начала XX вв. Нередко к этим двум книгам прибавлялся *Николюник* (т.е. *Службы, житие и чудеса Николая Мирликийского*), старообрядческий *Канонник* и рукописный *Сон Богородицы*. Этот стандартный комплект книг встречался практически повсеместно, и зная о том, что в 70–80 гг. здесь работали ленинградские археографы, мы не надеялись на неожиданные находки. Однако во время первой экспедиции в Игналинский и Швенченский районы летом 1998 г. мы узнали о существовании двух значительных по местным масштабам книжных собраний, принадлежащих игналинским старооб-

рядцам. Тогда мы не были готовы к археографической работе и договорились с владельцами книг, что приедем к ним специально, чтобы внимательно просмотреть и описать их библиотеки. Этим летом нам удалось повторно посетить старых знакомых.

Обычно книги в старообрядческих семьях хранятся под иконами на специальной этажерке или полке (все это называют *домашним иконостасом*). В доме Неонилы Фоминичны Поповой под иконами лежало несколько книг, с том числе *Псалтырь* (Москва, 1913), *Часовник* (Москва, типография Единоверцев, выходные данные утрачены), *Учебный часослов для старообрядческих училищ* (Львов, 1933), *Старообрядческий календарь* и др. Однако большая часть книг хранилась в специальном сундуке, внешне похожим на старинную книгу. Всего в библиотеке Неонилы Фоминичны 21 книга (11 печатных и 10 рукописных), не считая нескольких небольших тетрадок, которые были переписаны ее отцом Фомой Поповым, в межвоенное время — учителем Закона Божьего в Тверячусе. Самая старая книга в этом собрании — *Напрестольное Евангелие* виленской печати (типография Мамоничей) 1575 или 1600 г. с вкладной записью 1610 г. о том, что лѣта „зри года мѣа де“вра в 5 днь на „ме иже во стыѣ“ Щца нше никола архиепископа мѣлникійскаг чудотворца положена высть сна книга сѣое евангелие на престолъ воскресенню гѣа вѣа нашего нѣ хѣ да к чудотворцѣ николе и к сѣым вѣ“ким ... (не читается) а положила стоа евагелие Ирина шѣро“ва (?) жена ленѣна своим де“ми сы ивана да ефимием да с ѣваном и более поздней припиской скорописью, что это “книга Благочестиваго Виленскаго Сошествия Св. Духа монастыря Епархіи Кіевской”. Евангелие принадлежит семье Поповых с 1867 г. Среди печатных книг есть издания местных старообрядческих типографий, московских типографий Единоверцев и Преображенского Богдельного дома, Клинцовские издания. В библиотеке также хранится несколько кроковых рукописей второй половины XIX в., самые интересные из них — это *Октоих с Певческой азбукой* и *Богослужбный сборник*, включающий текст *Чина венчания*. На данный момент это первая фиксация старообрядческой певческой азбуки в частной коллекции. Особого внимания заслуживает небольшая тетрадка малого формата (8°), в которой содержатся тексты нескольких заговоров и полная редакция апокрифа *Сон Богородицы* (эти тексты Неонила Фоминична начитала нам еще в 1998 г.).

Судя по владельческим записям, большинство книг принадлежало Антипу Феокистовичу и Лазарю Феокистовичу Попам. Эти записи сделаны в 60–70 гг. XIX в.

По рассказам Неонилы Фоминичны и ее сестры Миропии (постоянно живет в Даугавпилсе), Поповы (или Попы, как в записях в книгах) — это старинный поповский род, в котором многие мужчины служили наставниками в местных старообрядческих моленных. Возможно, некоторые из них сами переписывали книги, так как в рукописях конца XIX в. отмечаются повторяющиеся почерки. Состав библиотеки действительно “поповский” — в ней представлены основные богослужбные книги, необходимые для организации религиозной жизни старообрядческой общины.

Вторая библиотека принадлежит семье Ивановых. В ней хранится часть книг Довидинской моленной (об этом свидетельствуют штампы польского времени Довидинской Свято-Троицкой общины). Библиотека состоит из 10 книг — 8 печатных и 2 рукописных. Несомненный библиографический интерес представляет издание *Апостала*, относящееся, видимо, к дониконовскому времени; кодекс

хорошо отреставрирован, многие утраченные листы восстановлены. Остальные книги — это традиционный старообрядческий комплект, включающий две *Псалтыри* (издание Преображенского Богдельного дома, 1911 г., второе издание нач. XX в. пока не идентифицировано), *Часовник* (1889 г., типография Единоверцев), *Никольник*, *Миня общая* (издание Преображенского Богдельного дома, 1904 г.), *Чин погребения умерших* (издание Преображенского Богдельного дома, 1909 г.), рукописный *Ирмолог* и рукописный же *Сборник*, содержащий основные чинопоследования. В нем на последнем листе обнаружены два тарбарских заговора от шала (т.е. бешенства), которые публикуются в настоящем сборнике. Судя по записям, часть книг была куплена Потапом Трифоновичем Прусаковым в 1912–13 гг. в Двинске.

Расспросы показали, что Аполлиария Иванова родом из семьи Прусаковых, известных своими поповскими традициями. По ее словам, Потап Трифонович тоже был наставником. Родной брат Потапа Прусакова Лука Трифонович практически до самой смерти (умер в начале 80-х гг.) на листах из ученических тетрадок каллиграфическим полууставом выписывал, помогая брату, богослужебные указания к отдельным службам. Среди книг и документов Ивановых сохранилось несколько таких листов. Некоторые тексты из упомянутого выше *Сборника* также дописаны Лукой Потаповичем. У него очень характерный каллиграфический почерк, не исключено, что его продукция распространялась по округе.

Экспедиционная работа лета 2001 г. показала, что археографическое обследование основных зон проживания старообрядцев Литвы должно стать неотъемлемой частью полевой работы. В старообрядческих семьях потомков наставников и причетчиков могут храниться редкие издания и интересные рукописные сборники.

*Н. Морозова, М. Романова
Вильнюс*